

О ПРАВЕ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КООПЕРАТИВОВ

Д-р ШАНДОР КАЛМАР
старший преподаватель

I.

1. Широко известные изменения, которые произошли в законодательстве главным образом с 1976 г., и которые в массовом масштабе «снабдили» теоретиков и практиков земельного (и не только земельного) права новинками. Эти изменения *практически* сдвинули оказывавшееся до тех пор стабильным построение земельного права в целом, начиная с отдельных форм земельной собственности, через охрану земли, землеустройство вплоть до экспроприации, и таким образом в кругу форм общественной земельной собственности они оказали влияние и на отношения земельной собственности производственных кооперативов.

В прежнем «материале норм» те изменения, которые *существенно* изменили и отношения земельной собственности и землепользования *производственных кооперативов*, были предусмотрены — как это тоже общеизвестно — непосредственно в тезисах о развитии общественных отношений «Программного заявления», принятого на XI съезде ВСРП на *долгий срок*. Среди этих тезисов особенно важен тот, по которому «По мере развития процесса, начавшегося с *введением в действие* (подчеркнуто мною — Ш. К.) закона о земле, необходимо добиться того, чтобы вся земля, находящаяся в пользовании сельскохозяйственных производственных кооперативов, постепенно превратилась в неделимую кооперативную *собственность* (подчеркнуто мною — Ш. К.) и не могла быть предметом купли-продажи».¹ Из этого выясняется, что выполнение программы, сформулированной политическим требованием, ставит долгосрочную задачу — на 15—20 лет² —, с другой стороны, что это относится к *всем* землям, находящимся в пользовании производственных кооперативов, и наконец, что целью имеется «превращение» в *кооперативную* собственность.

2. Несмотря на то, что «задача» поставлена на долгий срок, все-таки вскоре «... законодательные акты очень часто следовали один за другим»³, вследствие чего возникла «... сложная ... масса норм»⁴.

Очевидно, что важную научную задачу представляют теоретическая систематизация, оценка данной «сложной» массы норм и выведение вытекающих из этого заключений (и их возможное использование в

будущем). Это является важной задачей, потому что за отсутствием этого нельзя дать соответствующего ответа на десятки таких вопросов, некоторые из которых сейчай в отношении земельной собственности и землепользования производственных кооперативов я бы хотел лишь отметить.⁵

3. Закон № IV 1967 г. о дальнейшем развитии земельной собственности и землепользования, измененный указом № 34 1976 г. (в дальнейшем: Закон о земле), а также принятые о приведении его в исполнение законодательные акты (: постановление правительства № 36 от 11 окт. 1967 г., измененное постановлением № 44 Совета Министров от 30 дек. 1976 г. — в дальнейшем: постановление правительства о приведении в исполнение закона; решение № 7 Министерства сельского хозяйства и пищевой промышленности от 24 окт. 1967 г., измененное решением № 3 сказанного Министерства от 10 янв. 1977 г.⁶ — в дальнейшем: решение Министерства об исполнении:) содержат ряд таких новых форм решения, которые — вместе с иными продуктами земельного (или рассматриваемого таковым) законодательства (так, особенно о бессрочном землепользовании, землеустройстве, экспроприации) инспирируют к обдумыванию существовавших до сих пор теоретических гипотез. Они инспирируют к этому, потому что недвусмысленно очевидно, по крайней мере, то, что

- а) круг юридических оснований для приобретения собственности, урегулированный Законом о земле, сузился в сравнении с прежним положением (прекращена передача землей государством); далее парциальной стала комплектность в *вещественном* смысле отдельных юридических оснований приобретения собственности;
- б) усилилась «административная» оборотоспособность недвижимых имуществ сельскохозяйственного назначения, находящихся в собственности производственных кооперативов, и их товарный характер еще больше стал «нетипичным»⁷, таким образом
- в) «действующие наружу» и вместе с тем «действующие внутрь» *возможности распоряжения сузились* по сравнению с прежними (если иметь в виду возможность передачи земли в бессрочное пользование, даже несмотря на это) и это (в принципе) приводит к дальнейшему и усиленному перемещению центра тяжести либо может в действительности привести в пользу «господствующего» права владения и права пользования⁸, внутри принятой *в общем*⁹ теперь системы права земельной собственности производственных кооперативов.

II.

1. Юридические основания¹⁰, пригодные для приобретения *права земельной собственности* сельскохозяйственного производственного кооператива, имеют своей *общей характеристикой*, что за исключением предложения по передаче земель, находящихся в собственности и поль-

зовании посторонних частных лиц, в собственность производственного кооператива (§ 9 Закона о земле), те недвижимые имущества («земли» — абз. 1 § 3 Закона о земле), которые могут быть приобретены в виде собственности, должны быть в пользовании производственных кооперативов.¹¹ В таком положении, несмотря на исключаящие причины, перечисленные в абз. 3 § 3 и установленные в абз. 2 § 4 Закона о земле, и *несмотря на то*, что находящаяся в пользовании производственного кооператива «земля»¹² как квалифицирована с точки зрения права собственности, приобретение права, как правило, *перешло* либо *могло* или *может перейти* в собственность производственного кооператива. Однако имеются два существенных исключения из этого основного правила.

2. Т.н. передача земли государством, которая при наличии различных условий смогла привести к приобретению собственности, в настоящее время уже не связана с таким правовым последствием, так как с 1 января 1977 г. (*на самом деле* уже прежде) данное юридическое основание прекратилось. Из этого вытекает то, что производственный кооператив может приобрести право собственности на такое недвижимое имущество «только» на гражданско-правовом основании. В то же время такие земли остаются в безвозмездном и — соответственно *теоретико-политическому*¹³ толкованию, являющемуся животрепещущим также с точки зрения минимального размера *безопасности* ведения хозяйства — длительном пользовании производственных кооперативов. Все-таки я думаю, что ретроспективное рассмотрение с некоторых точек зрения ставит под вопрос эту форму разрешения, несмотря на то, что недвижимое имущество, находящееся *в пользовании* производственных кооперативов и в собственности государства, составляет немногим более 3% недвижимого имущества, находящегося на любом юридическом основании в пользовании производственных кооперативов. У этого «оасения» есть, по крайней мере, четыре причины:

а) Из преамбулы Закона о земле недвусмысленно выясняется, что *главной* целью является прежде всего «фавор» приобретения права собственности производственных кооперативов на недвижимые имущества, подходящие для ведения *крупного* сельскохозяйственного производства и находящиеся в пользовании производственных кооперативов (значит создание «единства», как об этом говорится еще в нижеследующем). Главной целью это было поставлено, потому что это является *существенной* предпосылкой *действительной самостоятельности* собственника и ведения хозяйства, требуемой механизмом планового хозяйства, введенного с 1968 г.

Положение и с тех пор фактически не изменилось, все же законодательство создавало — на мой взгляд, *объективно* излишне (об этом тоже будет еще речь) — и политически тоже не мотивируемым образом («... *вся* земля, находящаяся в пользовании сельскохозяйственных производственных кооперативов, ... превратилась в ... кооперативную собственность»¹⁴) и *формально* нежелательную юридическую трихотомию. [Собственником по поземельной книге является Венгерское государство; право управления принадлежит исполкому местного Совета, компетент-

ного по местоположению недвижимого имущества (см. п. а § 14 совместного приказа № 6 от 1 апр. 1970 г. министра сельского хозяйства и пищевой промышленности, министра строительства и развития городов, министра финансов), а право пользования принадлежит производственному кооперативу, пользующемуся землей. Однако более существенным по содержанию, чем это, является вытекающее из всего этого последствие принципиального значения.

б) Это оказывается более существенным оттого, что этот вопрос касается *стоимостного взаимоотношения* форм права общественной (государственной и — здесь — сельскохозяйственных производственных кооперативов) собственности на землю. В этом же отношении «исключение» упомянутого юридического основания приводит к изменению пропорции несомненно в пользу права *государственной* собственности на землю, которое едва может быть компенсировано обеспечением права производственных кооперативов на «безвозмездное и бессрочное землепользование». Это оттого, что право дает меньше, чем прежде и создает некоторое *противоречие*. Ибо речь идет о том, что производственный кооператив инвестирует на таких землях, улучшает их качество и использует их — предположим — оптимально и по назначению, значит в соответствии со своими признанными интересами кооператив успешно ведет хозяйство на этих землях (и он делает *только* это, ими не «торгует»), т.е. с материальной точки зрения он находится в позиции *собственника*, в такой системе отношений, в которой данная позиция в любое время может быть прекращена (в принципе), поскольку государственная земельная собственность также существует как *частичная пропорция*¹⁵ и таким образом в данном случае право собственности государства в вещественном смысле может быть конкретизировано куда угодно. Иными словами: данное *юридическое решение* обеспечивает *принципиальную* возможность освоения в пользу государства против действительного собственника (но таковым непризнанного правом), производственного кооператива.

в) Значит *идейно* существующая государственная земельная собственность в принципе может быть «*мобилизована*» в любое время. Типичной юридической конструкцией этого является экспроприация.¹⁶ Сверх того, что возмещение ущерба, возникшего «возвратом права землепользования» часто приводит к несправедливой компенсации, экспроприация — по моему мнению — ставит и проблему принципиального значения, сущность которой состоит в следующем: государственная земельная собственность (поскольку она находится в пользовании производственного кооператива) «идейно существует» как *частичная пропорция*. В то же время согласно § 25 постановления № 33 Совета Министров от 5 сент. 1976 г., изданного во исполнение указа № 24 1976 г. об экспроприации, в случае возврата права землепользования, относящегося к недвижимому имуществу, находящемуся в государственной собственности и в общем пользовании кооператива, в качестве потери стоимости нужно возместить различие между стоимостью недвижимого имущества, *сданного* государством в пользование и стоимостью возвра-

щенного недвижимого имущества. Значит против теории, выступающей за конструкцию «идейной собственности» и в отношении государственной земельной собственности, законодательство в *Этом отношении* стоит на совершенно другой позиции. (Ведь речь идет не о «конкретизированных» в процессе экспроприации землях, а недвусмысленно о землях, *сданных* в пользование, значит которые определены конкретно, точно и единично.) Даже если у такого формирования фактического обстоятельства были практические причины (ведь довольно трудно извлечь конкретное из «неконкретного»), данное законодательное решение — на мой взгляд — и вообще заслуживает поддержки против теории, аргументирующей за конструкцию права идейной собственности на землю. (Здесь я не касаюсь «общей теории» о праве собственности производственных кооперативов, но следует отметить, что более современный подход юридико-теоретического аспекта к земли — по сравнению с ныне господствующей теоретической позицией — в настоящее время ужет может привести и к другому результату.)

На мой взгляд, как в *общем* с точки зрения действительного равенства форм права общественной земельной собственности (наряду с «однотипностью»), так и с точки зрения конструирования и «приведения в действие» осуществляющих его (либо призванных к его осуществлению) институтов права, выход за пределы «идейности» права государственной земельной собственности оказался бы более пригодным решением при пользовании землей производственными кооперативами. Это вообразимо так, что обеспечивается право собственности производственных кооперативов на земли, фактически и объективно используемые в данном случае для ведения *крупного хозяйства*, или же так, что прекращая идейность государственной земельной собственности априори исключается ее «исключительность», которую можно наблюдать главным образом в ходе экспроприаций (число которых вследствие расширения неудовлетворимых иным способом потребностей и в будущем не уменьшится). Последняя форма решения могла бы обеспечить возможность для создания желаемых, реальных отношений стоимости и равенства, которая — в случае конфликта — в принципе могла бы составлять соответствующую основу создания соответствия реальных интересов, поскольку возврат права землепользования произошел бы «... не по цене ниже образующейся на рынке цены...»¹⁷

Такое решение может показаться «сверхсрочным» и поэтому ненужным. Оно может представиться таковым, с *одной стороны*, потому что социалистическая реорганизация сельского хозяйства уже давно завершилась, с *другой же стороны* «удельный вес» недвижимых имуществ, находящихся теперь в пользовании сельскохозяйственных производственных кооперативов и в собственности государства, не представляет доминантной величины по сравнению со совокупностью. Все это верно, но по моему мнению эти обстоятельства не аннулируют *принципиальную* сущность кратко отмеченных проблем, с другой же стороны следует считаться с «воспроизводством» проблем и потому, что настоящая юридическая конструкция приводит к росту государственной земельной

собственности в сфере объектов землепользования производственных кооперативов.

г) Утверждение роста государственной земельной собственности представляет собой явный «прогноз», ведь на территории населенных пунктов и в настоящее время право собственности производственных кооперативов на землю не может быть приобретено *выкупом земель*, ни *принятием земель, добровольно предоставленных кооперативу*, ни т.н. *безвозмездной передачей*, и Венгерское государство занимает место пользующегося землей производственного кооператива, приобретающего до сих пор существующее право собственности, а производственный кооператив «получает» право «безвозмездного пользования».

Данное распоряжение, суживающее собственность в *вещественном смысле*, могло иметь рациональные причины, которые, *по-видимому*, легко можно понять. Одной из этих причин было прежде всего то, что есть такие внутриквартальные недвижимые имущества (земли), «наличие» которых необходимо «заблаговременно» обеспечить *либо* в целях удовлетворения новых потребностей, появляющихся при *общего* экономического развития, *либо* в интересах удовлетворения известных местных (населенного пункта или территориальных) потребностей по производству, обслуживанию, и т. п. Иными словами, существуют (могут существовать) такие общественные и местные интересы, с точки зрения которых данный метод регулирования может показаться более подходящим, чем предыдущий.

3. Однако, по-моему, все-же нужно согласиться с двумя существенными утверждениями Имре Шаранди:

а) с одной стороны с тем, что «характер средства производства какой-либо вещи является *исторической категорией*»,¹⁸ таким образом уже и из-за этого обоснованно утверждение, по которому «...поверхность земли в целом, вероятно, никогда не сочлась средством производства» (ни в Венгрии);

б) с другой стороны следует согласиться с тем, чтобы «вся такая земля (и это относится прежде всего к внутриквартальным недвижимым имуществам — собственное замечание: Ш. К.) перешла в какую-нибудь общественную собственность, на которой... сооружения могут быть экономично созданы и эксплуатированы с прогнозом *на полвека*»¹⁹ (подчеркнуто мною — Ш. К.). Вообще «в наши дни основным средством производства является только такая земля, которая подходит для ведения крупного хозяйства и таким образом ее можно экономично обработать».²⁰

Из всего этого, однако, объективно не следует то, что сельскохозяйственные производственные кооперативы не могли бы не быть носителями общих общественных интересов,²¹ поэтому не в каждом отношении можно принимать ограничение их способности приобрести на «традиционном» земельно-правовом основании право собственности на *такие* недвижимые имущества. Это не во всех отношениях приемлемо и потому, что такие недвижимые имущества служат целям *развития и благоустройства населенных пунктов* и их действительное использование (в целях развития) требует, по смыслу, тщательной предусмотрительности,

продумывания и планомерности. Это, однако, является «первоначальным» обязательством по крайней мере столичного и комитатских Советов, которые составляют такие планы «в первую очередь на среднесрочные плановые периоды» (п. 11/3 постановления правительства № 2006 от 17 марта 1971 г.).

Иными словами: на одной стороне (на стороне производственного кооператива, занимающегося ведением хозяйства и использованием) законодательство — по сравнению с предыдущим положением — отняло возможность приобретения права собственности, но существенные аргументы за действительную и практическую обоснованность этого едва ли можно выдвинуть «на другой стороне».

4. Под влиянием всего этого в науке земельного права, по всем признакам, начался известный процесс теоретической «переоценки». В основе этого лежит кратко изложенная выше новость регулирования, которая — в противоположность предыдущему положению и отвлекаясь от реальных отношений ведения хозяйства — определенный круг недвижимого имущества «не разрешает» формальное приобретение права земельной собственности производственных кооперативов. Этот факт несомненно противоречит принципу, по которому право должно «переместить» адекватное правомочие — право собственности — на субъектов действительных отношений ведения хозяйства (в данном случае: землепользования).²² Новое венгерское земельное законодательство «... таким образом ... усиливает ... отделение земельной собственности и землепользования».²³

Данное установление Эндре Танки *в настоящее время* состоятельно. Но я на такой позиции, что все это *не умаляет* значения общего принципиального тезиса, особо относящегося к «земельным отношениям» сельскохозяйственных производственных кооперативов, который аргументирует за конвергенцию реальной действительности (ведение хозяйства — землепользование) и «формальной» или кажущейся таковой действительности (право) и против Э. Танки, который занимает *вообще* противоположную позицию.

Кроме вышеизложенного утверждения Эндре Танка приводит следующие важные аргументы нового типа:

а) В СССР тоже «... полная национализация (земли), осуществленная советским государством в соответствии с требованиями развития, представляла собой первый шаг по пути отделения земельной собственности и землепользования».²⁴

б) «Среди европейских стран народной демократии производственный кооператив только в Венгрии является собственником земли, в других странах — только землепользователем».²⁵

в) «Развитие средств производства всегда подвигает землепользование на шаг дальше нормативных пределов, а право собственности сможет примкнуть к этому только позднее».²⁶

Из всего этого Э. Танка *в общем* (значит и относительно земельных отношений сельскохозяйственных производственных кооперативов) делает следующие выводы:

а) «Концепция науки земельного права, сформированная о социалистическом единстве земельной собственности и землепользования ... основывается на ошибочном обобщении».²⁷

б) «... развитие права собственности землепользователя не является предпосылкой укрепления ... кооперативного землепользования».²⁸

в) «... в противоположность своему прогрессивному намерению постановка этой задачи (т.е. создание единства — собственное замечание: Ш. К.) нарушает действительную диалектику отношений социалистической земельной собственности и землепользования ...».²⁹

5. Мне думается, вообще необходимо сослаться на ту «аксиому», трактовке которой далеко не всегда приходится соответствующее значение и по которой реальность положения, существующего в качестве объективно и исторически сложившихся отношений собственности это одно дело, а принципиальная оценка этого — другое дело, далее опять — таки другое дело то, что право как относится к всему этому. По моему мнению всего этого *в общем и целом* нельзя не принимать во внимание при анализе изложенных выше проблем) еще раз подчеркиваю, что теперь имеется возможность для отнюдь не полного подхода к данному вопросу только со стороны права собственности производственных кооперативов на землю).

а) В свете всего этого ссылка на пример СССР сама по себе — с точки зрения рассматриваемой темы — отпадает как негодный аргумент. Она отпадает, потому что именно «процесс разделения» означал шаг вперед, ибо это не только соответствовало своеобразному историческому, экономическому, и т.п. положению, но такого разрешения требовали и те политические решения,³⁰ правильность которых с тех пор уже подтверждена историей. В то же время очевидно, что все это, как модель, механически не может быть адаптировано на венгерские условия, которые непосредственно после 1945 г. охарактеризовались именно не национализацией. Но формирование отношений землепользования производственных кооперативов все же не является венгерской «специальностью». Это характерно и для других социалистических государств.³¹

В Венгрии «юридическая унификация» и как процесс была необходима. Без того, чтобы взяться за детальное изложение, здесь в целях освещения этого утверждения я упоминаю два существенных аргумента: — и с исторической точки зрения недвусмысленно необходимо было конструировать и реализовать принцип единства, адекватным образом абстрагирующий конкретные формы проявления общественно-экономических отношений, действительности и со стороны отношений политических интересов. Ибо противное решение привело бы к тому, что правовая система земельной собственности у нас оказало бы сильное отрицательное влияние на землепользование производственных кооперативов, существующее именно в интересах *всего* общества, хотя носящее, несомненно, и подчеркнуто групповые интересы.³² «Поворот» же этого создает *правильный* с юридической точки зрения процесс, имеющий в силу необходимости и недвусмысленно обратное направление, *конечным результатом* которого стало признание права собственности на землю

на исторически высшем уровне (на уровне производственных кооперативов). Значит право земельной собственности *исторически* «приспособилось» в общем к землепользованию в отношении производственных кооперативов.

— все это привело к тому, что «для коллектива производственного кооператива земля, как объект ведения хозяйства, стала более обеспеченной и с юридической точки зрения...».³³ (Хотелось бы кратко отметить, что этот процесс — в противоположность утверждению Э. Танки — привел к аналогичному или в принципе подобному результату в Китае, Румынии, ГДР и Болгарии.)

б) Наряду с «продуктом» исторического развития все-таки следует отметить, что даже более глубокие общественные закономерности (имеем в виду не общие, а «только» более глубокие) не потерпели бы отсутствие объективации «гипотезы» единства. Ибо речь идет о том, что «земельная собственность должна придерживаться осуществленного на земле *ведения хозяйства*».³⁴ А «*ведение хозяйства на земле*» — в животрепещущем понимании — *полностью тождественно* фактическому и по назначению *пользованию землей*. (Категорию «земля» употребляю в «своем понимании».)

Опять-таки другой вопрос, что право как реагирует на все это? Значит право признает ли «единство» полностью (как *в принципе* это сделано правом после 1 января 1968 г. в отношении производственных кооперативов) или отрицает его полностью (как в сущности это «было сделано» правом до 1 января 1968).

г) либо право выбирает иное решение (как в настоящее время). Все это может возникнуть вследствие различных общественно-экономических процессов, но возможность применения этих вариантов только окрашивает осуществление определенной закономерности, но никоим образом не ставит вопросительный знак над ее существованием. Такое «окрашивание», конечно, небезразлично. Ведь «тон» может вызвать напряжение, либо иллюзию, либо может быть нейтральным. Хотя на все плохие сравнения можно найти примеры в прежнем ходе регулирования земельных отношений производственных кооперативов, мне кажется, что *в настоящее время* скорее очевидно вышеупомянутое первое влияние. (На некоторые стороны этого уже сделана ссылка выше.) В конечном счете эти вопросы — в их глубоких соотношениях — приводят к теоретическим вопросам права общественной собственности, на которых здесь тоже нет возможности основываться.

в) Однако из совокупности утверждений, лишенных желаемых нюансов, выясняется то, что

— концепция «единства» не основывалась на ошибочном обобщении, ведь фактически она исторически базировалась на системе *специфических* отношений (а именно на земельных отношениях производственных кооперативов). Объективная закономерность, существующая в системе этих специфических отношений, имеет, как правило, возможность последовательного осуществления в отношениях использования земли;

— однако другое дело право земельной собственности *в общем* (включая и государственной), *созданное* на основе принципа «единства», и опять другое дело *способ* осуществления права собственности, точнее говоря *действительность* сферы осуществления права.

Дело в том, что — в противоположность мнению Э. Танки — способ осуществления права собственности определяется *не только* самим характером по назначению объекта (хотя это было бы желательно), а мотивируется и разнообразностью интересов. Однако если «осуществление права» *само по себе* представляет лишь такое средство, которое «соответствующим образом» служит осуществлению признанных (либо личностью, либо узким коллективом либо государством) интересов в соответствии с интересами посторонних, то «разделение» бесспорно «тактически», но таким же образом бесспорно и существование «единства».

— «создание единства» не нарушает действительную диалектику взаимоотношения социалистического землепользования и земельной собственности, а наоборот, создает его диалектическое единство. Другими словами: именно *отсутствие* единства создавало бы иллюзию действительности в праве земельной собственности производственных кооперативов, значит «в праве», в действительности же (в землепользовании) — гипотезу права собственности. Был прецедент на то, что «две гипотезы» одновременно «существовали». Но с тех пор данное противоречие находится в стадии разрешения на уровне *действительности*, а это и само по себе не свидетельствует об ошибочности данной концепции.

(Здесь обязательно нужно заметить, что Эндре Танка очень основательно разработал широкий материал также в этой его работе. По сути дела, он формулирует такие теоретические проблемы права общественной собственности на землю, которые до сих пор остались вне сосредоточенных исследований науки земельного права или, по крайней мере, которые не получили соответствующего веса.)

СНОСКИ

¹ XI съезд Венгерской социалистической рабочей партии. Материалы. Москва, 1975. Изд. «Политическая литература», с. 232.

² Там же, с. 227.

³ *Vutskits György: Magyar földbirtokjog rendszeres feldolgozása. Mosonmagyaróvár, 1944. р. 5.* (Вучкич, Дьёрдь: Систематическая разработка венгерского права землеуладения. Мошонмадьаровар, 1944, с. 5.)

⁴ Вучкич, Дьёрдь: цит. раб. с. 6. (Этот автор, естественно, написал все это при совсем иных обстоятельствах и его подход тоже в основном отличается от нашего, все-же мне кажется, что некоторые его установления, хотя и формально, могут быть отнесены и к нашим настоящим условиям. Это можно сделать тем более, что основной целью данного автора была «систематическая разработка права землеуладения», значит обработка когерентной темы, которая, мне думается, и в настоящее время не входит в круг нацело разрешенных научных задач.)

⁵ Надо сказать, что в период, предшествовавший данному последнему «возобновлению» земельного законодательства, был слздан ряд таких научных работ, которые с полной очевидностью свидетельствуют о том, что земельное право оказывается отнюдь не безынтересной сферой для научных исследований такого или другого подхода. Достаточно сослаться на труды Шереша, Шаранди, Шаркёзи, Эрши, Соватаи и т.д., к которым еще вернемся.

⁶ Хочу лишь отметить, что оба законодательных акта были изменены и по сравнению с отмеченными, но эти изменения сейчас неинтересны с точки зрения земельной собственности и землепользования производственных кооперативов.

⁷ *Sárközy Tamás*: Indirekt gazdaságirányítás, vállalati árutermelés és a tulajdonjog. Budapest, Akadémiai Kiadó, p. 118. (*Шаркёзи, Тамаш*: Непрямое управление хозяйством, товаропроизводства на предприятиях и право собственности. Будапешт, Изд. ВАН, с. 118.)

⁸ *Seres Imre*: A mezőgazdasági termelőszövetkezeti tulajdonjog. Budapest, 1968. Akadémiai Kiadó, p. 233 és köv.; p. 253. (*Шереш, Имре*: Право собственности сельскохозяйственных производственных кооперативов. Будапешт, 1968, Изд. ВАН, с. 233 и сл., а также с. 253.)

⁹ *Eörsi Gyula*: A tulajdonjogról, „Állam- és Jogtudomány”, 1972. Nr. 4, p. 559; *Eörsi Gyula*: Összehasonlító polgári jog. Budapest, 1975. Akadémiai Kiadó, p. 293. (*Эрши, Дьюла*: О праве собственности. «Аллам- эш Йогтудомань», 1972, № 4, с. 559; он же: Сравнительное гражданское право. Будапешт, 1975, Изд. ВАН, с. 292.)

¹⁰ *Seres Imre*: Földjogi kérdések a mezőgazdasági termelőszövetkezetekben. ELTE Állam- és Jogtudományi Karának Actái, XVII. kötet, 1975. pp. 85–98. (*Шереш, Имре*: Вопросы земельного права в сельскохозяйственных производственных кооперативах. В сб. «Вестник Юридического факультета Будапештского университета им. Л. Этвеша», 1975, том XVII, с. 85–98.) В данной статье – соответственно положению, предшествовавшему изменению Закона о земле – Шереш подробно и теоретически анализирует отдельные основания приобретения собственности, поэтому здесь нет необходимости и отдельно заниматься этим вопросом.

¹¹ Детальные теоретические мотивы создания таких условий генерального характера см. *Шереш, Имре*: Право собственности ..., с. 98–158; для распространяющего толкования критерий «наличия в пользовании» по закону см. *Gellért György*: A legfelsőbb Bíróság irányító tevékenysége a földjog területén. Budapest, TOT, 1970. p. 11. (*Геллерт, Дьёрдь*: Руководящая деятельность Верховного Суда в сфере земельной собственности. Будапешт, 1970, Изд-во Всевенгерского Совета СХПК, с. 11.)

¹² В дальнейшем я не ставлю в кавычки слово 'земля'. Однако следует отметить, что в новых законодательных актах по-другому истолкуется слово 'земля'. Например, постановление № 33 Совета Министров от 5 сент. 1976 г. дает негативное определение земли: землей считается всё, что не является земельным участком (§ 13); решение № 36 Министерства сельского хозяйства и пищевой промышленности от 3 ноября 1977 г. об обороте сельскохозяйственного и лесного недвижимого имущества дает опять-таки другое определение, а также по-другому устанавливает ее и § 1 постановления № 38 Совета Министров от 12 окт. 1977 г. об охране земли, и т.п. Эти различия, конечно, имеют рациональные и надлежащим образом мотивируемые причины, но на них я теперь не останавливаюсь. В дальнейшем под 'землей' я понимаю категорию, отмеченную в тексте данной статьи, и отдельно отмечаю отклонения от этого.

¹³ См. *Шереш, Имре*: Вопросы земельного права ..., с. 67.

¹⁴ См. XI съезд Венгерской социалистической рабочей партии, с. 232.

¹⁵ *Шереш, Имре*: Вопросы земельного права ..., с. 67.

¹⁶ Там же, с. 68. В этом отношении Шереш убедительно показывает исключительность государственной земельной собственности и вытекающее из этого отсутствие определенной степени равноправия между государственными и кооперативными хозяйственными единицами.

¹⁷ См. *Шаркёзи, Тамаш*: Непрямое управление ..., с. 325.

¹⁸ *Sárándi Imre*: A magyar polgári jog alapelvei. ELTE Állam- és Jogtudományi Karának Actái, 1977. XIX. kötet, p. 15. (*Шаранди, Имре*: Основные принципы венгерского гражданского права. В сб. «Вестник Юридического факультета Будапештского Университета им. Л. Этвеша, 1977, том XIX, с. 15.)

¹⁹ Там же, с. 16.

²⁰ Там же, с. 16.

²¹ Там же, с. 32.

²² См. *Шереш, Имре*: Право собственности ..., с. 34.

²³ *Tanka Endre*: Az állami szocialista földtulajdonjog kutatásának néhány elméleti alapkérdése. „Jogtudományi Közöny”, 1978. Nr. 12, p. 756. (*Танка, Эндре*: Некоторые основные теоретические вопросы изучения права социалистической государственной

собственности на землю. «Йогтудоманы Кёзэнь», 1978, № 12, с. 756.) Отмечаю, что все, что утверждено этим автором о «разложении единства» в отношении государственной земельной собственности, не входит, точнее не может быть включено в круг изучаемых здесь вопросов, поэтому их отнюдь не касемся.

²⁴ Там же, с. 756.

²⁵ Там же, с. 756.

²⁶ Там же, с. 759.

²⁷ Там же, с. 755.

²⁸ Там же, с. 757.

²⁹ Там же, с. 759.

³⁰ См. Эрши, Дьюла: Сравнительное гражданское право, с. 132.

³¹ Там же, с. 193.

³² См. Шереш, Имре: Право собственности ..., с. 8.

³³ Там же, с. 122.

³⁴ Там же, с. 123.

ON THE LANDED PROPERTY LAW OF AGRICULTURAL CO-OPERATIVES

by

Mr. ALEXANDER KALMÁR

Assistant lecturer

The author of the present paper strives to evaluate and appreciate certain theoretical and practical consequences of the changes resulted and occurred in the norm-system — starting from 1976 — relating to the landed property law of agricultural co-operatives.

It is on this very basis that he establishes and states those changes of a principle character and importance, the theoretical evaluation and appreciation of which — in an approach different from all previous ones — constitute the present and actual task of the science of landed property law. In this very connexion he engages in discussion with the view which argues, in its substance, the necessity of the unity existing between landed property law the law of leasehold among the existing social conditions of our socialist society and states, at the same time, that the removal of the actual contradictions in being is not possible only by way of the steady and logical application of the principle of "unity".

О ПРАВЕ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КООПЕРАТИВОВ

Д-р ШАНДОР КАЛМАР

адъюнкт

В настоящей статье автор подвергает изучению важнейшие изменения в законодательстве, касающиеся и права собственности на землю, а также некоторые их последствия, сочтенные автором существенными с теоретической точки зрения.

Автор устанавливает, что традиционная структура права земельной собственности сельскохозяйственных производственных кооперативов находится в стадии преобразования. Однако данное преобразование вызывает новые противоречия, и на некоторые конкретные формы их проявления автор кратко ссылается, равно как и на необходимость глубокого теоретического анализа. В связи с этим автор рассматривает отдельные положения тех научных позиций, которые в общем считаются приемлемыми.

Автор полемизирует с мнением, по которому концепция науки земельного права о социалистическом единстве земельной собственности и землепользования основывается на ошибочном обобщении. Наконец кратко рассматриваются некоторые практические проблемы земельного права.